

Роман Воликов

Уния

Роман Воликов

Уния

«Издательские решения»

Воликов Р.

Уния / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749884-9

«История есть интерпретация фактических данных (evidence), причем фактические данные — это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. При всех возможных ответах на вопрос, что такое документ, историки согласятся, что историческая процедура, или метод, заключается в сущности в интерпретации фактических данных». Р. Дж. Коллингвуд

ISBN 978-5-44-749884-9

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

Уния	6
Лето от сотворения мира 6945, Рождество святой Богородицы	6
Лето от сотворения мира 6946, день святого мученика Патрикия	8
Лето от сотворения мира 6946, праздник Иоанна Предтечи Крестителя Господня	10
Лето от сотворения мира 6946, Праздник Покрова Пресвятой Богородицы	12
Лето от сотворения мира 6947, день святого первомученика Стефана	14
Лето от сотворения мира 6947, четвертая седмица Великого Поста	19
Лето от сотворения мира 6947, день памяти Иоанна Богослова	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Уния

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уния

Лето от сотворения мира 6945, Рождество святой Богородицы

Выехали засветло. Князь сам проводил до дальней заставы. Облобызался с митрополитом, велел нам построиться. Посмотрел сурово, только и сказал: «Буду ждать!». Сел на коня и поехал обратно.

Всего нас пятьдесят человек. Служки митрополита всея Руси Исидора, владыки суздальского Авраамия, который с нами едет, все чернецы, из мирских – только я и говорливый Афанасий, сын шорника. Юнец, борода почти не растёт, но в науках сообразителен, за что князем и любим. «Я там всё подсматривать буду, запоминать буду, – хвастается Афанасий. – И по оружейной части, и по любой другой. Память у меня цепкая».

Митрополит со мной не разговаривает. До последнего он противился, чтобы я поехал. Спасибо князю, тот настоял. «Толмач нужен для свиты толковый, – сказал князь. – Не ты же будешь челяди переводить. Твои-то чернецы, кроме „Иже еси на небеси“ двух слов связать не могут. Не посрамиться бы, первый раз на такое важное дело зовут. Он поедет, на то моя воля».

Князь митрополита Исидора не любит, и не верит ему. Грек он, чужое ему всё у нас, противное. Ему бы в Киеве сидеть, только литовцы больно круто в Киеве заправляют. Чуть слово поперек, сразу кишки наружу. Да и мошна русская в Москве давно, и сила, стало быть.

Исидор грек, прислан к нам на митрополичью кафедру патриархом из Царьграда. Князь хотел Иону рязанского митрополитом сделать, но того в Царьграде не приняли, в кафедре отказали, к императору не допустили, патриарх его палкой побил как последнего дурака. Ионато проворовался по дороге, хоть и говорит, что поганые ограбили. Князь озлобился, но стерпел. Потому меня к Исидору приставил, как свои уши в дальней дороге.

Я и сам отчасти грек. Матушка моя родом из Понтийской Гераклеи, девочкой совсем попала в гарем царевича Мустафы. Мустафа тот, при отце нынешнего князя, Василии Дмитриевиче, так в степи оголодал, что Рязань взял, зимовал в ней. По весне нехристям задали жару, царевич бежал, и обоз бросил, и жен. Отцу моему, который передовым отрядом командовал, очень худенькая гречанка приглянулась. Отец тогда уже был пожилой человек, сорока двух лет, вдовый. Как узнал он, что гречанка православная, тут же к себе забрал, вскоре и женился на ней. Греческому и татарскому меня мать учила, латынь сам изучал, по книгам в библиотеке Софьи Витовтовны, потому латынь у меня самоучная, бестолковая. Литовскому вдовствующая княгиня меня научила, благоволила она ко мне, велела князю послать меня в Новгород на подворье, фряжские наречия постигать, с купцами иноземными общаться. Так я и выучил семь языков, служу у князя Василия Васильевича толмачом.

На Воздвижение Честного Креста прибыли в Новгород. Встречал сам владыка Новгородский Ефимий и посадники с великой честью. Исидор на почести смотрел радостно и в то же время нехорошо. После вечернего пира в Юрьевом монастыре заперлись они все в архиерейской келье, я, как князь и велел, подслушал.

Кричали они громко, новгородцы горло драть мастера, но хитрого грека Исидора дурью на измор не возьмешь. Спор был о деньгах. Новгородцы, конечно, не против были вспомоществовать на делегацию, но ставили условие, чтобы их посадник Ферापон с нами поехал. «А то чё?! – высоким надрывным голосом говорил владыка Ефимий. – Чё всё Москва да Москва? Будто за всю Русь отвечает. Мы сами по себе».

– Уговор был, – тихо отвечал Исидор. – Я от имени Великого князя Московского еду. Сами же согласие присылали. Забыли?

В Новгороде прошла моя юность. Три года я здесь жил на подворье князя Московского, торговые дела вёл с фрягами разными, немцами, шведами, датчанами. Отсюда и жену привёз, Настасью. Хороший город, и люди в нем хорошие живут, только ушлые.

– У себя дома порядок наведите, – гневно сказал Исидор. – С жидовствующими боритесь. А то развелось обрезанных, православному ступить негде.

– Торговые люди есть торговые люди, – вместо владыки ответил посадник. – А вера у каждого своя. Уваженье иметь надо.

– Синагогу им постройте, веротерпимцы, – сказал митрополит Исидор. – Никто из вас не поедет. Поступим, как уговор был.

Грызлись до зари, но митрополит остался непреклонен – никого из новгородцев в делегацию не включил. Утром новгородцы деньги дали, по своей традиции, в три раза меньше, чем обещали.

Провожать нас вышла народу тьма-тьмуцая, с крестами, с хоругвями. Оно понятно, простому человеку любое событие праздник, а тут диво какое – первый раз русские люди на Вселенский Собор едут. Помолились мы все вместе в святой Софии и двинулись в чужие края.

Лето от сотворения мира 6946, день святого мученика Патрика

Седьмой месяц мы во фряжской земле. Видели много городов, больших, каменных, по улицам каналы проложены, и вода в них студёна и сладка. Народ всё больше степенный, спокойный, пожалуй, только вина много пьют. Объясняют так: вода у них хоть и студёная, но скверная, потому и моровые болезни гуляют. Хотя, конечно, чума это бич Божий.

Из всех городов, которые проезжали, мне пока больше других запомнился Понтенск. Там окаянный Пилат родился, вотчина его Понт называлась, а река, которая по вотчине протекает – Тиск, отсюда и название такое у города. Вышел у меня в этом граде Понтенске интересный разговор. Сотоварищи мои спать улеглись, я же, прихватив свечу и выпрошенную у Исидора книгу «Паралипоменон», отправился во двор почитать на сон грядущий. Во дворе около конюшни стояло несколько столов со скамьями, я купил у корчмаря кувшин рейнского, зажёл свечу и изготовился читать.

– Татарин? – окрикнул меня человек по-гречески.

– Московит, – ответил я ему на алеманском наречии.

– Не похож, – сказал человек на русском, но с очевидным акцентом, взял свой кувшин с вином и пересел за мой стол. – Здрав будешь, боярин!

«Верно, лях, – подумал я. – Повадки вороватые».

Одет был незнакомец неряшливо, дуплет добротного сукна в нескольких местах был потёрт, а кое-где и порван. Половины зубов у него не было, а те, что сохранились, были гнилые. Но пулены были чудо как хороши – фиолетового цвета, с длинными узкими носками, пристегнутыми удобства ради изящными цепочками к браслетам на коленях.

– Не часто тут ваших встретишь, – сказал лях и покосился на книгу. – Я из Кракова. В Болонью добираюсь.

– Школяр, – засмеялся я. На вид незнакомец был мой ровесник, двадцати пяти лет.

– Медку бы сейчас, – сказал лях. – Надоело кислятину пить. Может, принесёшь медку, православный?

– Нету меда. Был, да весь вышел. Выпили по дороге.

Мед у нас, конечно, в запасе ещё был, но не буду я на побегушках у каждого прощельги бегать.

– Жалко, – разочарованно сказал лях. – На Собор всей толпой едете?

– Верно. – Я решил не обижаться на толпу. – Великое дело – Вселенскую церковь восстановить.

– Великое, – подтвердил лях. – Раньше дурачье разной веры было, теперь же снова одним миром будет мазано.

«Пойду-ка я спать, – подумал я. – Не даст мне этот засранец почитать».

– С греческим императором понятно, – не унимался лях. – Его неверные так жмут, хоть в море топись. Да и от Империи остался лоскут земли вокруг Константинополя. А вот вам-то что, в ваших лесах да болотах? До вас турки не доберутся, так – наскочут порезвиться, девок красивых заарканить. Это не беда, новых девок нарожаете.

– Есть дело! – важно сказал я. – Если все так будут рассуждать, турок к тебе в Краков придёт и фитиль в заднице тебе зажжет.

– Я убегу, – сказал лях. – За далёкие моря.

– Все не убегут, – сказал я. – Не все зайцы. Поэтому и едем на Собор.

– А с филиокве что будете делать? – спросил лях. – Если вопрос ребром станет?

– На разделение Святой Троицы не согласимся, – сказал я. – Во всяком случае, я не соглашусь. И все те, кого я знаю, тоже не согласятся.

– Далось вам это прибавление: «Святой дух исходит и от Сына тоже». Не кажется ль тебе, что слишком много значения придаётся словам. В подобных обстоятельствах император Константин написал пресвитеру Ариану, еретику, отрицавшему Святую Троицу: «Прекратите заниматься гимнастикой для умов. Народу требуется ясное мнение о Божественной воле».

– Слово Божье есть плоть и кровь наша, – сказал я. – Поменяем Символ веры, станем другими. Может, лучше, может, хуже, не знаю. Но точно – иными. Нам этого не надо.

– Не выйдет никакого толка из этого Собора, – уверенно сказал лях. – Даже если Унию провозгласят. Разные мы и пути-дорожки у нас разные. Много лет должно пройти, чтобы понять – не турок у нас враг, а человеческая глупость.

Лето от сотворения мира 6946, праздник Иоанна Предтечи Крестителя Господня

Сегодня один из самых радостных дней в моей жизни. Сегодня я лицезрел воочию Папу Римского Евгения IV и греческого царя Иоанна VIII Палеолога.

Про Папу разное говорят, но то, что он человек решительный, твёрдого нрава, аскет, видно сразу. Папа совсем недавно вернулся из Флоренции в Рим, откуда его изгнали недовольные бискупы, взбунтовавшие простой люд. Кровушки, говорят, в Риме немало пролилось, когда князь Савойский город штурмом брал.

Папу везли на паланкине, император ромеев верхом, рядом. Палеологу сорок пять лет, но он крепок и статен. Если бы его первая жена княжна Анна Московская, дочь моей благодетельницы Софьи Витовтовны, не умерла бездетной, быть бы наследнику царьградского престола с долей русской крови. Папа и император всё время переговариваются, но о чём, я не слышал, далеко стоял.

Мы в Ферраре, это город в двухстах верстах от Флоренции. Захолустный городишко, прямо скажем, и народец в нём живет злобный, жадный. Как все делегации на Собор съехались, цены на овощи, хлеб и мясо в три раза задрали. Будто упыри, а не христиане, хоть и инославной веры. Так наш казначей чернец Антип сквозь зубы лается, но за провизию гроши отсчитывает.

Весь мир в этот затхлый городишка съехался. Латинян человек пятьсот, и наших, православных, примерно триста. Двадцать два митрополита во главе с патриархом Вселенским Иосифом: ракийский Антоний, эфесский Марк, русский Исидор, манамвасийский Досифей, трапезундский Дорофей, кизитский Митрофан, никейский Виссарион, никомедийский Марк, лекедомонский Мефодий, тырновский Игнатий, амасийский Иосиф, валашский Демиан, ставропольский Исая, родосский Нафанаил, митиленский Дорофей, драмасинский Дорофей, меленикский Матфей, тристиасийский Калист, ганский Геннадий, ахелонский Геннадий, иверский Иоанн, сардакийский Дионисий, который во время Собора отошёл к Господу.

Из них самый знаменитый, конечно, Марк эфесский, ему патриарх и греческий царь поручили диспуты вести с латинскими философами.

Первый диспут назначили на Успенье. А за два дня до того меня позвал Исидор.

– Ты ведь быстро пишешь, толмач?

– Скорописи обучен, – сказал я.

– Одень рясу, – приказал Исидор. – За чернеца сойдёшь. Сейчас важный разговор состоится с кардиналами Цезарини и Торквемада, братом великого инквизитора испанского. Записывать будешь, а мы подписи поставим. И тебе будет, что потом князю рассказать. – Исидор насмешливо посмотрел на меня.

Попыхтел я, конечно, изрядно. Встречались впятером: уже помянутые латиняне, Исидор, Марк эфесский и Виссарион никейский. Говорили то по-гречески, то на латыни, больше на латыни, поскольку испанец Торквемада греческого почти не знал.

– Этой европейской традиции почти тысяча лет, – напыщенно сказал Торквемада. – Каждый царствующий монарх перед Папой коленопреклоняется и целует туфлю. Даже Карл Великий не погнушался.

– Нехорошо начинать Собор о воссоединении со старой распри, – сказал Виссарион никейский. – Патриарх Вселенский равновелик Папе. Если же патриарх поцелует туфлю Папе, это не уния, а подчинение.

– Акт целования туфли есть целование ноги апостола Петра, – сказал Торквемада. – Вы не согласны с этим?

– С этим мы согласны, – примирительно сказал Виссарион. – Но всякий желающий увидеть подоплеку, усмотрит в таком поведении патриарха фактическое раскаяние в ереси.

В наших землях достаточно противников Унии. Этот факт позволит не признать воссоединение церквей, если таковое состоится.

– Пусть Папа преемник апостола Петра, – добавил Марк эфесский. – Мы же преемники других апостолов. Разве прочие апостолы лобызали ногу Петра? Кто слышал об этом?

– Есть простое евангельское решение, – сказал Исидор. – Патриарх и Папа поцелуют друг друга в щеку и пожмут руки, как истинные пастыри, встретившиеся после долгого пути в живописной долине.

– Для того, чтобы не блуждать в церемониальных дебрях, решение неплохое, – сказал кардинал Цезарини. – Но папский трон в зале диспутов должен быть выше. Это соответствует законам гостеприимства – вы к нам приехали.

– На ладонь, – сказал Марк. – Пусть эта ладонь символизирует ту искреннюю поддержку, которую Запад готов оказать народам Восточной Империи в их борьбе с неверными.

– И другим православным народам, – добавил Виссарион.

– И другим, – сказал Исидор.

После встречи Исидор был мрачен.

– Что думаешь?

– Думал, что они относятся к нам лучше, – сказал я.

– К нам, это к кому? – переспросил Исидор.

– К православным, – сказал я.

– Пустое говоришь, толмач, – сказал Исидор. – Латиняне двести лет назад Константинополь разграбили вместо того, чтобы идти крестовым походом в Святую землю. А совсем недавно те же латиняне венецианцы у Палеолога Фессалоники за бесценнок купили. Императору деваться некуда, в его казну и мышь не забегает. Латиняне как были варварами тысячу лет назад, такими и остаются. И Папы у них такие же, сплошь сребролюбцы да воры.

– Тогда зачем эта Уния, – сказал я. – И нам и им?

– У них тоже всё неладно. В Базеле сейчас другой Собор заседает, больше половины епископов туда поехали, другого Папу избрали, его ещё иногда Анти-Папа Феликс называют. У них эта свара пятьдесят лет продолжается. Так что Папе Евгению объединить Римскую и Восточную церкви очень выгодно. Он тогда самый главный, выше только бог. Ну, а про нас, я имею в виду греков, сам всё знаешь. Если второй Рим падёт, третьему не бывать, какие бы мечты твой князь не лелеял. Не та порода, в паскудство да блеяние безмозглое выродится. Нет у Империи другого выхода, как на эту Унию соглашаться.

– Трудно будет, – сказал я. – Если так верой разбрасываться, можно и к неверным пойти, и к иудеям. Какая разница...

– Латиняне хоть и варвары, но все же свои, – сказал Исидор. – Когда надо выжить, всё прочее становится прочим, то есть несущественным.

Лето от сотворения мира 6946, Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

Сегодня диспут, восьмой по счёту. Посвящён он чистилищу, по нашему – мытарствам загробным. Сколько я читал Отцов церкви, и Григория Богослова, и Иоанна Златоуста, и других, нигде про временный огонь чистилища не встречал. Правильно на диспуте Марк эфесский привёл слова из Деяний: «И повелел Он нам проповедовать и свидетельствовать, что есть Он определенный от Бога Судия живых и мёртвых».

– Огонь может быть только вечный, – сказал Марк. – И горит он в аду. Если же огонь временный в чистилище, то выходит, что бесы определяют, куда душе попасть – в ад или рай. Молитва и покаяние – вот что есть мытарства загробные, и по раскаянию посмертному определяется, где душе быть.

Перед диспутом латиняне прислали свое письменное мнение по этому расхождению за подписью Папы. Рассуждение их таково: «От времен апостольских Римская церковь принимает, что души умерших чистыми и свободными от всякой скверны, как то души святых, прямо отходят к блаженству. Души же впавших после Крещения в грехи и потом покающихся искренне и исповедовавшихся, но не успевших совершить епитимию, положенную на них духовным отцом и принести покаяние, достаточное для заглаживания грехов, очищаются огнем чистилищным, одни – скорее, другие медленнее, смотря по грехам, и после очищения отходят к блаженству. Их очищению также содействуют молитвы священника, литургии и милостыни. Души умерших в грехе смертном, и также в прародительском грехе, прямо отходят к наказанию». Ссылались латиняне всё больше на своих Отцов церкви: блаженного Августина, Амвросия и Григория Двоеслова. Умысел их понятен – об этих святых Отцах мы только слышали, книг их не читали, даже на Афоне и в Царьграде.

– Апостол Павел ясно указал в послании коринфянам, – ответил Марку эфесскому испанец Торквемада. – «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, каждого дело обнаружится, ибо день настанет, когда в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. И у кого дело, которое строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон, впрочем, сам спасётся, но как бы из огня».

Этот испанец желчный, острый, похож на гусиное перо. Школяры в парижском университете, которым он заведует, боятся, верно, его пуще огня, про который Торквемада рассуждает.

– Мы полагаем, – возразил Торквемаде Марк эфесский, – что святой Апостол под огнём имел в виду огонь вечный и никакой другой. Напомню притчу о Лазаре: Авраам подвёл умоляющего богача к великой пропасти со словами: «Хотящие перейти отсюда никогда не перейдут». Поэтому мы считаем, что даже души святых не сразу отходятся к блаженству, а только пройдя мытарства загробные.

– Мы учим паству о неотвратимости чистилищного огня испокон веков, – сказал Торквемада. – Разве авторитета Римской церкви недостаточно для утверждения истины?

Палеолог на диспутах не присутствует. Наверное, его оскорбило то, что на открытии Собора посланцы герцога Бургундского поцеловали туфлю Папы, а в сторону императора и патриарха Иосифа даже не посмотрели, будто их и нет вовсе. Возможно, ещё более его оскорбило, что кроме посланцев герцога, никто из светских миропомазанников на Собор до сих пор не приехал, хотя Папа, как и обещал, разослал всем владетельным князьям и королям грозную буллу о необходимости крестового похода против турок. Диспуты о вере проходят неспешно, ждём, может, кто и прибудет из сильных мира сего. Палеолог где-то в Италии, разъезжает по разным городам, убеждает и просит о помощи против неверных.

Папы тоже нет. Он открыл Собор торжественной молитвой «Благословен Господь Бог Израилев» и отбыл в Рим. У него своих забот полно. Сдаётся мне, что Папу и греческого царя все эти богословские тонкости не слишком-то волнуют.

Вместо Марка эфесского диспут со стороны православных продолжил Виссарион никейский. Он не такой резкий, как Марк, я бы сказал, расплывчатый. Думаю, патриарх и император именно ему поручили сглаживать противоречия.

Виссарион принялся рассуждать, что из слов в Маккавеевой книге и изречения Христа, на которые латиняне ссылаются, можно сделать вывод об отпущении лишь некоторых грехов по смерти, но каким образом, посредством ли наказания, притом огненного, сего не видно. Да и что общего между отпущением и очищением огнём и мучениями?

– Должно быть что-то одно, – сказал Виссарион. – Либо отпущение, либо наказание, а не то и другое вместе. Иоанн Златоуст так толковал слова апостола Павла, которые мы услышали сегодня. Под огнём святой Отец понимает огонь вечный, под золотом и драгоценными камнями добродетели, под дровами, сеном, соломой худые дела, пищу вечного огня. Под спасением, но как бы из огня – сохранение и продолжение бытия грешников среди мучений.

– Блаженный Августин, – продолжил Виссарион, – понимал слово спасётся в значения блаженства, что и придало этому месту послания святого Апостола иной смысл. Святой же Иоанн Златоуст был грек. И святой Апостол Павел также писал на греческом. Само собой, что греки лучше понимают греческие слова, чем посторонние. Мысль апостольского изречения в том, что огню свойственно истреблять, а подлежащие вечному мучению не истребляются. Вот апостол и говорит, что они пребывают, сохраняя и продолжая бытие, хоть и сжигаются огнём.

Торквемада стоит на противоположной кафедре, с прямой спиной, узкие губы сжаты так, что слились в почти невидимую полоску.

– Скажи, Виссарион, – вдруг спросил он. – Какова степень жара огня геенского?

Тут уж не выдержал чиновник Ягарий, представляющий императора на диспуте.

– Чтобы это знать наверняка, – сказал он. – Нужно на себе огонь преисподней испытать.

Кому мытарства загробные, а у меня самые что ни на есть земные. Я про друга своего лучшего говорю – Афанасия, сына шорника. Афанасий на диспуты не допущен, болтается с утра до вечера по городу, всех феррарских девок перемял. Дело, понятно, молодое, только вот Афанасий в языках не бельмеса, вечно просит меня в беседах с чертовками посодействовать. Я же человек семейный, жену свою Настасью люблю, мне в этих разговорах участвовать противно. Одно радуется, сын шорника хоть и не новгородец, но парень ушлый. Ему девки – кто каравай принесёт, кто шмат яловины, а кто и фазана жареного целиком.

Гроши у нас, однако, заканчиваются. Папа клялся взять на себя содержание православных делегаций, после открытия Собора тот же чиновник Ягарий торжественно зачитал папское распоряжение: «В месяц выдавать: императору – 30 флоринов, патриарху – 25, митрополитам – по 20, лицам дворов митрополичьих – по 4 флорина...» Но казначеи папины платить не торопятся, монеты выдают неохотно и своевольно. Как только православные на диспутах ерепениться начинают, тут же рассказывают, что флорины, мол, не подвезли. В общем, голодно становится. Также слух прошёл, что к Ферраре чума подбирается.

Лето от сотворения мира 6947, день святого первомученика Стефана

Едем во Флоренцию. В начале месяца мокрый снег пошёл, и Палеолог с Папой как снег на голову свалились. Собрали нас всех в соборной божнице святого Георгия, где диспуты проходили. Торжественно было, как при открытии Собора. Папа, облачённый согласно святительскому сану и в рогатом клобуке, сидел на высоком месте, за ним сорок четыре кардинала и епископа, также облаченные в соответствии с саном. А патриарх и митрополиты в мантиях сидели. Зачитали нам грамоты по-латински и по-гречески, что всему Собору нужно переехать из Феррары во Флоренцию.

Причина, говорят, в том, что чума совсем близко к городу подошла. Исидору же и ещё некоторым митрополитам Палеолог шепнул, что у Папы казна совсем худая. Флорентийский банкир Козимо Медичи по прозвищу Старый, после долгих уговоров, согласился взять на себя расходы. Папа ему за это полное отпущение грехов обещал. Банкиру Козимо, верно, есть в чём покаяться: большие деньги – большие бедствия.

Едем в повозках, запряжённых мулами. Скотина эта неприхотливая, тупая, медлительная. Потому и едем кое-как, по локтю в час. Зима же в Италии скверная, сырая, зябкая. Под стать скотине и погоде настроение наше. Диспуты все, а их в Ферраре пятнадцать прошло, так ничем и не закончились. Латиняне упорно стоят на своём мнении, ни в чём уступать не хотят. Слышал я, что Марк эфесский прилюдно сказал патриарху Иосифу: «Зачем метать бисер перед свиньями?», а патриарх ему попенял за гордыню богомерзкую. Патриарх совсем больной, на диспутах ни разу не присутствовал, дожил бы до окончания Собора.

Латиняне в своих заблуждениях тверды как гранит, а вот в наших рядах, православных, пожалуй, сумятица. Виссарион никейский и Марк эфесский, два главных наших представителя на диспутах, в Царьграде друг друга не сильно жаловали, Марк вовсе не хотел на Собор ехать, Палеолог на его участии настоял. Сдаётся мне, что Марк окончательно разуверился, что компромисса между церквями достигнуть можно. Он, наверное, рад был бы домой вернуться, но сан и положение перед императором не позволяют.

С Виссарионом сложнее. Он, Виссарион, в Царьграде закончил школу знаменитого ритора Мануила Хрисоккока, потом принял монашеский сан, пять лет жил в тихом монастыре в Фессалии. Митрополитом никейским его перед самым Собором назначили и, думаю, неспроста. Из всех князей церкви Виссарион, пожалуй, самый рьяный поборник Унии. Оратор же он знатный, по тому, как речи строит, сразу видно. О такой аудитории, как на Соборе, верно, всю жизнь мечтал. Марк на диспутах строг и непреклонен, Виссарион, напротив, многоречив и витиеват. Когда обсуждали вопрос о блаженстве праведных и Торквемада сослался на Дионисия Ареопагита, Марк возмущенно сказал, что он таких слов у блаженного Дионисия не встречал и намекнул, что латиняне их сами сочинили. Торквемада вспылил и предложил прения завершить. Виссарион тут же поднялся и со словами «мы ещё так много можем сказать прекрасного» говорил часа полтора.

Тот диспут – о разнице в учениях той и другой церкви о состоянии душ отошедших – имел конфузное продолжение. Постановили тогда, что православные напишут письменное мнение по этому вопросу за подписью патриарха. Собрались все митрополиты в келье патриарха Иосифа, долго спорили, прочли вслух многие свидетельства Отцов церкви, и пришли к выводу, что души праведные наслаждаются блаженством, но не полным и не сразу, как утверждают латиняне, а только когда после общего воскресения соединятся они с телами своими. Тогда души праведные, хорошо сказал Марк эфесский, просветятся подобно солнцу. Марку ответ и поручили написать. Виссарион же втайне написал свой ответ, куда более обтекаемый, зато ладно скроенный по законам грамматики. Ответ этот виссарионов, как бы невзначай, ко

всем кафолическим кардиналам и бискупам, бывшим в Ферраре, попал. Патриарх Иосиф сделал вид, будто и не произошло ничего. Марк рассердился, хотел Палеологу жаловаться, но, в конце концов, махнул рукой. Что ни говори, не ладят наши иерархи меж собой.

Я, конечно, человек мирской, от богословских вопросов далёкий, только вот не пойму никак, зачем за тридцать земель надо было к латинянам ехать Унию предлагать, если вожди наши одни, подобно Марку эфесскому, стоят в своей непримиримости, как одинокая скала в бушующем море, а другие, подобно Виссариону никейскому, ради сладости красноречия своего готовы и веру забыть и судьбу царьградскую и самоё себя.

В день отъезда из Феррары подслушал я случайно разговор между митрополитом Исидором и владыкой суздальским Авраамием.

– Вижу я, куда вы, греки, клоните, – сказал Авраамий. – Поломаться, как срамные девки, для видимости, а потом на все условия латинян согласиться. Мол, Царьград спасти надо, погаснет свеча, что тогда. Но негоже мне, православному владыке, хриstopродавцем быть. Не подпишу я такую Унию, Исидор.

– Без твоей подписи не поперхнёмся, – ответил Исидор. – Не по сану честь. А будешь народ баламутить, в темницу посажу.

Тут Исидор меня заметил и осёкся. «Потом поговорим», – сказал он, то ли мне, то ли Аврамию. Со мной пока не говорил.

В дороге меня забавляет наш казначей Антип, мы в одной повозке едем. Антип, как положено казначею, дядька въедливый, с другим таким же въедливым, казначеем патриарха Сиропулом, снюхался. Два этих бедолаги высчитали, что за четыре месяца пребывания в Ферраре папский двор выплатил православным 2691 золотой флорин, должны же были, в соответствии с обещанием, 3425 флоринов. Антип мне эти вычисления по сто раз на дню пересказывает и всё причитает: «Дурят нашего брата, ох, дурят!» Я от этих его причитаний уж вою.

На одной из ночёвок ко мне подошёл Гемист Плифон и пригласил продолжить путь в его повозке. Гемист славный философ нашего времени, и всех великих учёных мужей-мирян Палеолог лишь с ним советуется и иногда с Георгием Схоларием, тоже необъятного ума человеком. Гемист в молодости был очень тучный, за что его и прозвали «плифон». Так как прозвище это было созвучно боготворимому им Платону, он взял его как второе имя.

В моём представлении Гемист возраста почти саваофовского, ему семьдесят девять лет, но в учёных спорах он живет и горячее молодых. Плифон привёз в Италию свое новое сочинение «О разнице учений Платона и Аристотеля» и сразу устроил в Ферраре по царьградской традиции театр. Театр это любопытное действо, происходит в хорошую погоду на улице, в дождь в каком-нибудь помещении, обычно, в харчевне. Собираются образованные люди и спорят между собой на разные темы. Послушать да и сказать что-нибудь, если не стыдно, может всякий желающий, и без всякой платы. Театр, который устроил Плифон, пожалуй, даже интереснее, чем диспуты Вселенского Собора, которые в божнице святого Георгия происходили. Так его речи были дерзки, неожиданны и новы для всех слушающих, привожу по памяти отрывок одной из них: «Сторонники учения об идеях, учения Платона, не думают, что бог есть непосредственный творец нашей вселенной. Он есть создатель иной природы и иной субстанции, более близкой к своей собственной и вечной, которая также пребывает в своей тождественности. Что же касается нашей вселенной, то Бог её создал только через посредство этой субстанции, а не благодаря самое себе. Этот сверхчувственный мир, составленный из различных идей и понятий, и создал нашу вселенную и наш чувственный мир. Наш чувственный мир есть образ этого сверхчувственного мира, как в целом, так и в отдельных частях, не имея ничего, что не от высшего мира, по крайней мере, в том, что требует причины. Ведь все сущее и возникающее нуждается в причине. В тоже время лишения, провалы, все падение в небытие, не требуют, как видно, причины. Скорее всего из-за отсутствия причины происходят вещи такого рода. Отрицания также не имеют причины, ибо они появляются вследствие

неучёта причины, которая ставит противоположные утверждения. Для явлений, происходящих в нашем мире случайно, нет чего-то единого наверху, что было бы их причиной. Бесконечные также не имеют наверху особой реальности, однако в сверхчувственном мире имеется идея, которая является единой причиной всех вещей, которые в нашем мире впадают в бесконечность, потому что существа высшего мира никогда не участвуют в количественно бесконечном. Напротив, высшему Богу не свойственна никакая форма множественности, так как он действительно в высшей степени един. С другой стороны, в недрах этого сверхчувственного мира существует множественность, но конечная и никоим образом не бесконечная ни в возможности, ни в действительности. Только в нашем чувственном мире может появиться бесконечность, ибо бесконечность материи её первый признак. Конечно, только от высшего мира материя получает эту причинность, но там не существует бесконечно. Люди размышляют об этих вещах давно, поэтому Аристотель лжёт, когда говорит, что первым начал рассуждать об идеях. До него был Платон, до Платона – его учитель Сократ, до Сократа – пифагорейцы исповедовали это учение, как можно заключить из книги Тимея Локрского. Учение Аристотеля – сухое дерево, а Сократ, Платон и пифагорейцы его живые корни, и главный из этих корней – Платон. Аристотель велик, но Платон восхитителен, и только он даёт человеческому уму удовлетворительный ответ на жгучие вопросы познания».

К моему удивлению, латиняне о философе Платоне никогда не слышали, искренне считают самым главным древним мудрецом Аристотеля, поэтому речи Плифона сопровождают восторженными овациями и ходят за ним по Ферраре толпой.

С Гемистом я подружился сам того не предполагая. Я посещал каждый его театр и, как человек скромный, помалкивал в тряпочку, внимая чужой мудрости. В тот раз Плифон рассуждал о месте Пелопоннеса в человеческой истории. Тема ему чрезвычайно близкая, Плифон давно живёт в деспотате Морей, в городе Мистра, который выстроен на развалинах древней Спарты. Из Царьграда его изгнали лет двадцать назад, когда отцу нынешнего императора Мануилу он написал письмо с предложением ликвидировать монастыри и назвал монахов трутнями на теле больного государства.

Театр происходил за городом, на берегу мутноватой от ила речушки, был ясный солнечный день, до того мы с Афанасием распили кувшин вина, закусив отменным куском сыра, который притащила очередная его деваха. Сквозь полудрёму слова Плифона хорошо ложились на душу.

– Хвала императору Палеологу за то, что он восстановил укрепления на Истмийском перешейке, – говорил Плифон. – Ведь именно здесь пролегла та черта, где эллины остановили армуздян персов. Это как бы водораздел между миром варварским и миром культурным, между миром государства Ликурга и неистовством азиатской дикости, где один повелитель, а остальные рабы. Из Пелопоннеса пришли в Италию древние спартанцы, под именем сабинян соединились с латинами и основали Рим. Ведь кто есть турки-османы, как не потомки парасомонов, которых когда-то в Азии изничтожил Александр Великий. Движимые старой и забытой мезьей, они алчут нашего падения...

«Ну, пожалуй, про османов это он заливает», – подумал я, взял да и поднял руку, что означало – прошу слова. Афанасий только крякнул как утка.

– Уважаемый ритор! – сказал я. – Твоя мудрость не вызывает сомнений, но я не встречал у Фукидида, Ксенофонта, Плутарха и Страбона упоминаний о парасомонах. Даже если они существовали и являются предками османов, то зачем столько столетий надо было ждать возмездия? Они могли прийти с аварами или уграми, которые из тех же азиатских краев. Также я не вполне понимаю, как древние спартанцы могли оказаться в Италии и зачем им нужно было называть себя сабинянами? Мне кажется, у спартанцев и дома забот хватало.

Тут публика зашикала и освистала меня, я сел обратно на траву, опозоренный. После окончания театра подошёл человек и сказал, что Плифон хочет поговорить со мной. «Чего ты

полез! – тихонько проворчал Афанасий. – Скажут, чтобы больше не приходили. Вот обидно будет».

Плифон сидел на небольшом коврикe и перекусывал лепешкой с заячьим паштетом.

– Какие похвальные знания для столь юного создания, – сказал Плифон с очевидной издёвкой. – Нам, старикашкам, можно спокойно помирать. Новый Плутарх явился на италийских берегах.

Я покраснел как варёный рак.

– Из каких краев будешь?

– Из Руси, – ответил я.

– Литовской или Московской? – оживился Плифон.

– Московит.

– Много раз хотел побывать, – задорно засмеялся Плифон. – Но уж больно холодно у вас. Твоя мать понтийская гречанка?

– Точно, – удивился я. – Неужели по речи так заметно?

– Заметно, – снова засмеялся Плифон. – Поживешь с моё, многое будешь замечать. Я решил завершить один трактат, недописанный великим Федором Метохитом. Ты слышал об этом человеке?

– Слышал, – сказал я. – Знаменитый царьградский астроном.

– Не только астроном, – продолжил Плифон. – Метохит был человек универсальный, теперь таких нет. Трактат этот логографический, посвящен славянам, живущим за Борисфеном. Поможешь мне?

– Я с радостью, – сказал я. – У меня свободного времени много.

Четыре раза в неделю я приходил в дом, где остановился Гемист, и рассказывал ему о наших обрядах, порядках, традициях, в общем, обо всей нашей жизни. Гемист редко бывал один, обычно вокруг крутились ученики, которые взирали на него подобострастно, как на вновь явленное божество. Меня это немного раздражало, и всё же передо мной постепенно разворачивался невероятный мир этого удивительного человека.

Плифон не был христианином. Не придерживался он и веры в Магомета, Иегову или неведомого Зороастра, про которого любят рассказывать небылицы купцы из-за дербентских железных ворот. Плифон был самым настоящим эллинским язычником, таким же, как Геркулес и Орфей. В учении, которое его ученики так и называли «Эллинская теология», древние греческие боги существовали в строгой и ясной иерархии: Зевс – причина всех причин, Посейдон – посредник между людьми и явлениями, Гера – матушка-природа и так далее: от высокого к низменному. «Пройдёт считанное количество лет, – утверждал Плифон, – христианство и ислам рухнут, как подросший человек выбрасывает игрушки, подаренные ему, когда он был капризным ребенком. Не надо быть великим философом, чтобы понимать: есть ценности вечные, а есть вещи временные, преходящие. Явление Христа в эманации римских умов было вызвано безудержным наступлением варваров, это была наивная попытка спасти тот мир, который рушился у них на глазах. В глазах же варваров, в свою очередь, Иисус и апостолы были куда более приятными существами, чем их жестокие, тупые и ограниченные Перуны, Одины и Армузды. Конечно, в эру Христа и Магомета мир изменился, но ни одна, повторяю, ни одна животрепещущая проблема добродетельного и благополучного существования людей так и не была решена. Значит, надо возвращаться к тому, что придумано до нас и умами лучшими, чем мы».

Разумеется, Гемист вёл такие речи только в узком кругу, и я был польщен, что оказался допущен в этот круг. На диспутах Вселенского Собора, где он порой выступал, Плифон держался рьяным противником латинян. Как нормальный человек нашего времени, он был двуличен.

Гемист кряхтит в повозке. Дождь стучит по войлоку, которым она обтянута.

– Не люблю зиму, – ворчит Гемист. – Как можно всё время жить под дождём? На Пелопоннесе крестьяне в это время делают крепкое вино. Оно желтоватое по цвету, отменно согревает старые кости.

Я смотрю в окошко, вырезанное в войлоке. Серый, унылый, предгорный пейзаж. «В Москве скоро масленица, – думаю я. – Настюшка блины будет печь. Как она там, моя родная».

– Я предупреждал Палеолога, – говорит Плифон, – что это будет судилище, а не Собор. Так оно и вышло.

– Утопающий хватается за любую соломинку. Ты же сам всё понимаешь, господин.

– Но не также бездарно, – возражает Плифон. – Латинянам не до нас. Они все передрались за место под солнцем, столько грязи и желчи излили на Лик Божий, что его уже и не рассмотришь. Надёжные люди сообщили мне, что французский король Карл VII отказался признать Папу Евгения. Король сейчас в Базеле, на Соборе, где осуждают две ереси – современную, богемскую и древнюю, от греков исходящую. Замечательно, нас к извергам гуситам приравнили. Без французского короля крестовый поход против турок утопия. Да и османы совсем не сарацины, которые сражались с крестоносцами в Палестине. Современное организованное государство, которому, пожалуй, можно позавидовать.

– Я заметил, что ты уважительно относишься к неверным, ритор, – сказал я.

– Я был одним из воспитателей нынешнего султана Мурада, – сказал Плифон. – Давно, двадцать пять лет назад. Тогда моя жизнь в Константинополе совсем осложнилась, больно бешено я нападаю на монастыри и призывал к их закрытию, – Плифон захихикал. – Когда чем-то сильно увлечён, глупость всегда летит впереди тебя. Мне намекнули, что мой зад хорошо подходит для кола. Я бежал, мои соратники сделали так, будто я попал в плен к туркам. Султан Баязет милостливо принял меня в Андрианополе и назначил учителем своего старшего сына. Так что я хорошо изучил османов, и, поверь, у них чему есть поучиться. Мой воспитанник султан Мурад блестяще образованный человек, который извлекает максимум пользы из дикости своего народа. Кроме того, он искусный политик. Перед самым отплытием Палеолога в Венецию он прислал ему письмо, где предлагал больше надежд возлагать на дружбу с ним, чем с латинянами.

– Не ты ли посоветовал султану написать такое письмо, господин?

– Ты преувеличиваешь моё значение в этом мире. Пусть не покажется тебе это апорией, но я не вижу ничего противоестественного в соседстве мечети и святой Софии.

– Да, мне это трудно представить, – сказал я.

– Зато в призрачности союза с латинянами ты уже вполне должен был убедиться. Надо следовать логике вещей, как учил Пифагор. Османы также охотно примут ценности нашего мира, как варвары когда-то приняли лучшее из римского мира. Просто не надо к ним относиться как к дикарям и защищаться иконой как щитом. Ты должен знать, что мусульмане не отрицают Христа, просто они полагают его одним из великих пророков.

– Ты же не веришь в будущее христианской веры, – сказал я. – Тебе что полумесяц, что икона – всё одна белиберда.

– Я верю в то, что будущее будет совсем иным, чем мы себе можем представить, – задумчиво сказал Плифон. – Георгий трапезундский, один из наших философов, давно живёт в Риме, давно перешёл в латинскую веру, написал мне, что во Флоренции со мной хочет повидаться Козимо Медичи. Утверждает, что банкир мечтает возродить Платоновскую Академию. Мне это очень любопытно.

Лето от сотворения мира 6947, четвертая седмица Великого Поста

Наконец-то дело нашлось и для моего замечательного друга Афанасия. После прибытия во Флоренцию повезли нас в ткацкий квартал показать, как с червя шелковичного кокон снимают. Квартал этот как бы и в городе, и одновременно за городской стеной. Большая роща туттовых деревьев, на которых бабочка живёт, обнесена крепостной стеной, которая хоть и пониже, чем городская, но всё равно высокая. На стене караул стоит денно и ночью, смотрит, чтобы никто из чужаков без спроса в квартал проник не смог. Между шелковицами домики ремесленников, там они живут, там шёлк выделывают. Там и помирают, кладбище у них своё, отдельное от горожан.

Рьяно во Флоренции секреты шёлковые хранят, женятся ремесленники обычно между своих, если вдруг невеста со стороны, после свадьбы она родителей и свояков больше не увидит, запрещено под страхом смертной казни. Говорят также, что если жена шелковода сыновей произвести не может, нанимают женщину со стороны, чтобы она ребенка выносила, а как мальчишка родится, к себе его забирают, чужая женщина ему матерью становится. Если же девчонка на свет божий появится, отдают в монастырский приют, а оттуда, когда вырастет, в срамной дом поступает. Об этом пронырливый Афанасий разузнал, а уж, правда или нет, я не знаю.

Дружок мой Афанасий сумел с этими ремесленниками подружиться. Они ему показали, как нить шелковую с кокона стягивать, у станка разрешают стоять, объясняют, что к чему. Афанасий им опасным не кажется, наверное, потому что ни слова на их языке не понимает. Полюбил Афанасий шёлковое дело, в квартал ремесленный каждый день как службу в церковь ходит, на девок, на моё счастье, почти внимания не обращает.

Город Флоренция очень большой и того, что в нём есть, не видел я ранее в других городах. Храмы высокие и красивые, из белого камня построенные. Через весь город река течёт, широкая и быстрая, Рна называется, местные жители на свой лад Арно зовут. Через реку каменный мост перекинут, по обеим сторонам моста палаты торговые. Товаров там множество, камки, аксамиты со золотом, сукна scarlatные разные, масло дровяное, что из маслин делают. Видел я деревья, кипарисы и кедры. Кедр похож на нашу сосну, а кипарис корой как липа, только хвоя у него кудрявая и мягкая.

Есть во Флоренции икона чудотворная, образ пречистой Божьей Матери. Перед иконой в божнице шесть тысяч сделанных из воска изображений исцелённых людей: кто разбит параличом, или слепой, или хромым, или без рук, или великий человек на коне приехал, так устроено, что они как живые стоят, какие недуги и язвы у них были, так и сохранены.

Есть ещё иной монастырь, также построен из белого камня хитро и твёрдо, и ворота в нём железные. В этом монастыре сорок старцев живут, они к мирянам никогда не выходят, и миряне тоже к ним не приходят. А рукоделье у старцев такое – золотом и шёлком на плащаницах святых вышивать.

Во Флоренции и Папа Евгений, и Палеолог. Смотрят друг на друга приветливо, но кривовато. На днях по поручению Папы Иоанн де Монтенегро, кардинал Родосский, так теперь велено Торквемаду называть, предал анафеме бискупов, что в Базеле на другом Соборе заседают. Палеолог ждёт посланцев от короля Венгерского и короля Польского, те твёрдо обещали прибыть.

Папа между тем торопит, требует, чтобы Вселенский Собор продолжился. Не нравится ему, что внутри Римской церкви раскол с новой силой разрастается. Решили собраться накануне светлого праздника Пасхи, обсуждать главное расхождение – прибавление к святому Символу веры или на латыни – филиокве.

Открыл диспут Марк эфесский. Народ в соборную божницу не пустили, как это было на диспутах в Ферраре, Евангелие лежало на престоле нераскрытым, статуи апостолов ликом вниз, свечи перед ними не зажжены. Перед Марком на кафедре несколько книг Деяний Вселенских Соборов.

– Верую в Духа Святого, Господа истинного и животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже с Отцом и Сыном споклоняема и сславима, глаголившего пророки, – произнёс Марк. – Вот восьмой член святого Символа, утвержденного Отцами Никейскими на первом Вселенском Соборе, и подтвержденный отцами Эфесскими на втором Соборе, которые запретили менять хоть одно слово в нём под страхом для епископов низложения, а для мирян – отлучения. Отцы второго Собора, постановив сие правило, показали свое уважение к Никейскому Символу, не позволив себе внести в него наименование Богородицы, столь необходимое в учении о домостроительстве нашего спасения. Святой Кирилл Александрийский, председательствовавший на Эфесском соборе писал Иоанну Антиохийскому: «Воспрещаем всякому изменять Символ веры, изданный святыми Отцами Никейскими. Ни себе, ни кому-либо другому не позволяем переменять или впускать в Символ этот ни одного слова, ни даже одного слога».

– Это послание, – присовокупил Марк. – Было читано на третьем Вселенском Соборе, им принято и утверждено. Далее, – продолжил Марк. – На четвёртом, Халкедонском, Соборе было определено держаться Символа Никейского и Никейско-Константинопольского как одного. Отцы Собора сказали: «Сей святой Символ достаточен к полному познанию истины, так как содержит в себе совершенное учение об Отце и Сыне и Святом Духе». В Деяниях пятого, Константинопольского, Собора содержится письмо Папы Римского Вигилия патриарху Евтихию. Вот что пишет Папа: «Мы всегда хранили и храним веру, раскрытую святыми Отцами на четырех вселенских Соборах, и оным Соборам во всём последуем». На шестом Вселенском Соборе, который утвердил Символ, составленный на первых двух Соборах и принятый за правило веры тремя последующими, было прочтено послание Папы Агафона греческим императорам, где Папа пишет, что Римская церковь твёрдо придерживается веры, принятой пятью Вселенскими Соборами и особенно заботится, чтобы определённое правилами оставалось неизменным, без уменьшения или прибавления, как в речах, так и в мыслях оставалось неповрежденным. В заключение прочту определение седьмого Вселенского Собора, последнего перед нынешним, где говорится о Никейском Символе веры: «Все мы так веруем, все едино мудрствуем. Сия есть вера Апостольская, сия есть вера православная. Кто сей веры не приемлет, да будет отлучён от Церкви».

С этими словами Марк покинул кафедру и сел на свое место.

«Любопытно, – подумал я. – Что можно противопоставить этой сияющей логике фактов?»

Все ждали, что выступит Торквемада, который теперь Монтенегро и всё такое прочее. Но вместо него на кафедру поднялся кардинал Юлиан и положил перед собой весьма древнего вида пергаментный манускрипт.

– Это книга Деяний седьмого Вселенского Собора, записана на латыни, привезена представителем Римской церкви на Соборе и хранится в папской библиотеке, – торжественно произнёс кардинал. – Я прочту ту часть, которая касается Символа веры.

Читал Юлиан медленно, монотонно, слова Деяний полностью совпадали с той книгой, которую предоставили православные. За исключением одного места. В гулкой тишине капеллы прозвучало: «Святой Дух исходит от Отца и Сына».

Патриарх Иосиф вопросительно посмотрел на Виссариона никейского.

– Я не знаю, по какой причине, – сказал кардинал Юлиан, – представленные Церквями книги не совпадают. Возможно, те потрясения, которые испытывает Восточная Империя, способствовали потере подлинного экземпляра. Дополнительно сошлюсь на Мартина, епископа Гнезненского, который составил «Историю Вселенских Соборов». Он пишет, что исхождение

Святого Духа от Отца и Сына было утверждено Отцами Эфесскими ещё на втором Вселенском Соборе.

Чиновник Ягарий, скорей всего, по тайному знаку Палеолога, попросил сделать перерыв. Втроем, Палеолог, Марк эфесский и Гемист Плифон, они заперлись в трапезной и совещались около часа. Затем вернулись в капеллу и слово взял Плифон.

– Начну с «Истории» Мартина, епископа Гнезненского, – сказал Плифон. – Мартин жил и писал меньше ста лет назад, а седьмой Собор состоялся почти восемьсот лет назад, поэтому его мнение можно считать исторически достоверным в той же мере, в какой следует верить утверждениям последователей Зороастра о том, что Луны на небе в допотопные времена не было. Если всё же предположить, что Отцами седьмого Вселенского Собора было сделано это прибавление, то в прочитанной уважаемым кардиналом книге должно присутствовать объяснение, почему, какие причины побудили Святых Отцов это сделать. Но такого объяснения мы не услышали. Ещё несколько столетий после седьмого Собора в Римской церкви литургия читалась без всякого прибавления к Никейскому Символу, о чём свидетельствуют латинские писатели Анастасий книгохранитель римский, Пётр Дамиан и многие другие. Если были бы справедливы или, во всяком случае, давно известны в Римской церкви свидетельства вашего списка и вашего историка, то зачем тогда Фоме Аквинскому и близким ему богословам прибегать к бесчисленным доказательствам прибавления к Символу. В подтверждение своего учения, им достаточно было бы указать на прибавление, сделанное на седьмом Вселенском Соборе. Но ваши великие богословы молчат о сём».

– Уважаемый ритор обвиняет нас в подделке? – со своего места произнёс кардинал Николай, сидевший рядом с Папой.

– Ни в коем случае, – также со своего места ответил Виссарион никейский. – Думаю, что список, предоставленный Римской церковью, был когда-то нечаянно поврежден. Мы готовы выслушать более убедительные доказательства.

Для поиска более убедительных доказательств латинянам потребовался почти месяц. Собрались вновь на день святого пророка Еремии. От имени Римской церкви речь держал, разумеется, Торквемада. Речь его была обширной, продолжалась в тот день до позднего вечера и продлилась потом весь следующий день. Всей своей долгой речью кардинал Родосский пытался доказать, что латинское прибавление к Никейскому Символу веры «и от Сына» не есть прибавление, а есть изъяснение Символа, изъяснения же Вселенскими Соборами не воспрещены. Поэтому Римская церковь имела право сделать такое изъяснение и внести его в Символ веры. Ведь что такое прибавление, говорил Торквемада, прибавление есть приложение к предмету чего-либо извне. Изъяснение же есть изложение того, что заключено в самом предмете. В подтверждение он привёл слова святого Василия Великого, сотворившего самую первую литургию: «Разумеющий Духа понимает и Его в самом себе, и того, чей он Дух, имеет в мысли вместе и Сына. А кто сего принимает, тот не отлучает Духа от Сына, но утверждает в себе веру в Три, последовательно в отношении к порядку, но совокупно по естеству между собой соединенными. То, как за цепи взявшийся за один конец, привлекает к себе и другой, так и привлекающий Духа, через него вместе привлекает и Отца и Сына».

Плифон сидит недалеко от меня. Ему скучно, он с трудом сдерживает зевоту. Когда Торквемада пространно разъяснил слова апостола Павла: «Един Господь, единая вера, единое крещение, один Бог и Отец всех», следовательно, церковь всегда едина и следовательно едина власть её, но если церкви в различные времена по нужде дозволялось делать прибавления к вере, то это право не должно быть отнято у неё и в последующее время, при возникающих по временам ересях церковь имеет нужду противостоять им посредством учения и соответственно присоединять к своему Символу изъяснения, ограждающие от таких лжеучений, Гемист только покачал головой.

Во Флоренции он развернул кипучую деятельность. Банкир Медичи одобрил создание Платоновской Академии, выделил для неё из своих владений просторное палаццо и денежное содержание. Плифон нанял переписчиков, которые трудятся над списками эллинских философов, которые Гемист привёз с собой. В этом предприятии ему активно содействует Виссарион никейский. В своих речах Гемист теперь не так осторожен, как это было в Ферраре, я бы сказал, совсем не осторожен. Дошло до того, что на одном из театров с резкой и гневной речью «против чумы платоновской» выступил Георгий Схоларий, который публично назвал Плифона идолопоклонником. Папа Евгений и Палеолог в этом смысле находятся в щекотливом положении. Учёный авторитет Гемиста чрезвычайно высок, да и покровительство банкира Медичи важнее папской буллы будет. Говорят, Папа приглашал Плифона на тайную аудиенцию, просил, чтобы тот не был таким ортодоксом на соборных диспутах. Плифон ответил уклончиво, как утверждают злые языки.

Положение наше, между тем, почти бедственное. Банкир Медичи велел выдавать содержание православным не деньгами, а пищей. Кормят нас всё больше подтухшей капустой и гороховой кашей. Животы у нас пучит, как в чистилище огненном, будь оно неладно.

– Правило Отцов Эфесского Собора, воспрещающее менять в Никейском Символе хоть одно слово, хоть слог, следует понимать как запрещающее изложение иной веры, иного учения, чем указано в Символе, – сказал Торквемада. – О том же писал Папа Агафон греческим императорам. Напомню, что в то время Римская церковь боролась с несторианской ересью, овладевшей многими умами. Папа Агафон с Собором многих западных Отцов постановил внести это изъяснение для устранения ложного мнения, распространяемого несторианами, что Дух Святой не имеет бытия от века. Все великие Отцы: блаженный Августин, святой Амвросий, святой Григорий Двоеслов, святой Иларий, святой Василий Великий, Григорий Нисский, Афанасий, Иоанн Златоуст, Ефимий, Анастасий Сионит, Симеон Метафрат и другие, все они жили в разное время и каждый раз время ставило перед церковью разные задачи. Но в этой текучести времени самым главным для нас являются слова Спасителя: «Я есть с вами во все дни до скончания веков». Римский престол несёт свой крест без малого тысячу лет и никогда не давал повода усомниться в истинности своего назначения.

Лето от сотворения мира 6947, день памяти Иоанна Богослова

Меня позвал Исидор. Показал на митрополичьи одежды, лежавшие на сундуке, и велел: «Пойдите с Антипом в квартал ломбардцев, заложите».

– Дожили, – сказал я.

– Я заметил, что ты сдружился с Гемистом Плифоном, – будто не услышав меня, сказал Исидор. – Напрасно. Эта дружба до добра не доведёт.

– Почему? – я решил изобразить простодушие.

– Гемист мечтатель. Хороший, добрый человек, но любитель утопий, как сказали бы его эллины. Утопия это запереться в Мистре на Пелопоннесе от всего враждебного мира и скакать вокруг статуи Зевса с венками на голове. Язычество ушло в прошлое навсегда, вместе с Платоном, римскими императорами и египетскими фараонами. Слово Христово вот единственная путеводная нить в нашем мире.

– Я думаю, что Плифон своими знаниями заслужил право иметь собственное мнение, – сказал я. – Хотя я и не его сторонник.

– Я надеюсь, что ты понимаешь, в чем истинный смысл этой Унии? – сказал Исидор.

– В чём? – спросил я.

– Константинополь может спасти только чудо. А чуда мы за грехи наши не заслужили. Вот в этом Плифон удивительно прозорлив – избежать победы османов нет ни одного шанса. Даже если крестовый поход против турок состоится, за что я ежедневно молюсь, он не спасёт положения города, только продлит агонию.

– Тогда зачем эта битва умов на Соборе, – сказал я, – если шансов всё равно нет.

– Падёт земной Царьград, – сказал Исидор. – Но знания, накопленные нашими предками мы должны передать. Пусть и в другие руки, пусть нам чуждые и часто похотливые, но мы должны готовить почву для падающего светильника. Поэтому мы и ищем единства с Римской церковью.

– Значит, Плифон верно поступает с этой Платоновской Академией, – сказал я.

– В этом я его полностью одобряю, – сказал Исидор. – Если ломбардцы станут жадничать, пойдите с Антипом в иудейское гетто. Те сговорчивее. Да и Козимо Медичи должно быть стыдно, когда узнает, что архиерейские одежды в залоге у жидов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.